

Наталья Владимировна Карева

Институт

*лингвистических
исследований РАН*

**Становление традиции
грамматического описания русского языка
(1730–1750-е гг.)**

XVIII век является особым периодом в истории русского литературного языка: именно в это время формируется русский литературный язык нового типа — полифункциональный, общезначимый, нормированный, характеризующийся дифференциацией стилистических средств.

Наиболее радикальные изменения в литературном языке произошли в Петровскую эпоху. Следствием сознательной государственной политики явилось вытеснение церковнославянского и утверждение нового русского языка как части новой светской культуры. Новый язык еще не был кодифицирован, и следствием этого явилось смешение в нем разнородных элементов: варианты слов и форм сосуществовали, при этом отсутствовали четкие принципы их стилистического распределения.

Только в 1730-е годы начался отбор и классификация языковых средств, устранение немотивированной вариативности, поиски единой нормы литературного языка. В 1724 году по проекту Петра I была создана Академия наук — первое научное государственное учреждение России. Академия наук регулярно проводила публичные собрания, при ней были открыты типография и библиотека. С конца 1720-х годов именно в Академии наук сосредоточилась работа по формированию норм русского литературного языка и созданию пособий для его преподавания.

В 1735 году по распоряжению Президента Академии наук барона И. А. Корфа было создано Российское собрание. О деятельности Российского собрания почти не сохранилось свидетельств, однако некоторые документы дают возможность получить представление о работе, проведенной членами этого первого в Санкт-Петербурге научного объединения филологов-переводчиков.

На открытии Российского собрания 14 марта 1735 года с программной речью выступил В. К. Тредиаковский, который подчеркнул, что деятельность собрания не может быть ограничена обсуждением переводов:

«Сего дождались мы щастія, что и о совершенствѣ россійскаго языка попеченіе воспріемлется. <...> Не о единомъ тутъ чистомъ переводѣ степенныхъ, старыхъ, и новыхъ, авторовъ, что и едино и само собою коликѣ проливаетъ пота, извѣстно есть тѣмъ, которые прежде васъ трудились въ томъ, и вамъ самимъ, которые нынѣ трудитесь. Но и о грамматикѣ доброй и исправной, согласной мудрыхъ употребленію и основанной на ономъ, въ которой коль много есть нужды, толь много есть и трудности. Но и о дікціонаріѣ полномъ и довольномъ, который в имѣющихъ трудиться васъ еще больше силы требуетъ, нежели въ баснословномъ Сізѣвѣ превеликій оный камень, который онъ на высокую гору одинъ все хотя вскатить, съ самага почитай верхъ нанизъ его нехотя опускаетъ. Но и о реторикѣ и стихотворной наукѣ, что все чрезъ мѣру утрудить васъ можетъ»¹.

В. К. Тредиаковский указал, что аналогичная работа по усовершенствованию литературного языка уже была проведена многими европейскими научными сообществами: Французской Академией, Флорентийской Академией, Лейпцигским сообществом. Предложенная Тредиаковским программа копировала устав Французской Академии, 26-й пункт которого гласил: «Il sera composé un Dictionnaire, une Grammaire, une Rhétorique et une Poétique sur les observations de l'Académie»².

В день первого заседания Российского собрания, 14 марта 1735 года, последовало распоряжение:

«По указу Ея И. В. въ академіи наукъ обрѣтающій главный командиръ, дѣйствительный камергеръ баронъ фонъ Корфъ, приказалъ:

Академіи наукъ переводчикамъ сходиться в академію два раза в недѣлю, а именно: въ среду и въ субботу, поутру и послѣ обѣда,

¹ Тредиаковский В. К. Речь, которую в Санктпетербургской Академии наук, к членам Российскаго Собрания, во время перваго онах заседания говорил Василий Тредиаковский Санктпетербургския Императорския Академии наук секретарь. Печатано при Императорской Академии наук. В Санктпетербурге. MDCCXXXV. С. 6–7.

² Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 173.

и имѣть между собою конференцію, снося и прочитывая всё, кто что перевелъ, и имѣть тщаніе въ исправленіи російскаго языка въ случающихся переводахъ. Чего ради въ оныхъ конференціяхъ присутствовать секретарю Тредьяковскому, адъюнкту Ададурову и ректору нѣмецкаго класса Швановичу; а о тѣхъ конференціяхъ журналъ содержать Тауберту, и всегда въ понедѣльники оный предлагать его превосходительству господину камергеру»³.

Количество членов Российского собрания, которым предстояло взяться за составление грамматики, «дикционария», а также риторики и «стихотворной науки», было невелико. И. И. Ильинский писал А. Д. Кантемиру в письме от 16 июня 1736 года о заседаниях Российского собрания:

«Нынѣ работаю по домамъ, а наипаче тридневную по вся недѣли и по утру и по полудни въ Академіи броднею весьма отягощены: работа состоитъ въ переводахъ розданныхъ намъ російскихъ старинныхъ лѣтописцевъ на латинской языкъ, а бродня въ уставленныхъ конференціяхъ, гдѣ всякъ свой русский перевод читает, а прочие все обще для лучшей чистоты рассуждать и исправлять должны, и потому малейшее нас число собраніем наречено»⁴.

Небольшой коллектив академических переводчиков — членов Российского собрания — был занят в основном практической работой: переводами, выработкой правил для академической типографии. Также на заседаниях Российского собрания активно обсуждались вопросы русской графики, как это следует из следующей записки И.-К. Тауберта, датированной январем 1736 года:

«Слѣдующія буквы приняты в російскомъ собраніи, а прочія, какъ не нужныя, выключены: а, б, в, г, д, е, э, ж, з, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, ѳ, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, я, ђ, ё, в. За тѣмъ еще слѣдующія ударенія: ´, ` , ^ , ˇ , какъ напр. à, á, й, â»⁵.

На записку И.-К. Тауберта была наложена резолюция И. Д. Шумахера:

³ Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1886. С. 633.

⁴ Майков Л. Н. Материалы для биографии А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 49.

⁵ Пекарский П. П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 639.

«Съ этой, принятой російскимъ собраніемъ азбукой должна сообразовываться типографія, а господамъ корректору Шредеру и Тауберту приказать ввести это постановление для того, чтобы лишнія буквы тотчасъ же были отброшены; вмѣстѣ съ тѣмъ узнать, введены-ли уже новизны, которыя, при разныхъ случаяхъ, предлагало російское собраніе, чтобы сдѣлать о томъ докладъ начальнику Академіи»⁶.

В 1738 году барон И. А. Корф приказал Російскому собранію сочинить «русскую азбуку» для Академии наук:

«Понеже въ Академіи наукъ русской азбуки не имѣется, а она необходимабытьпотребна, тогорядичленамъ російскагособранія показанную азбуку сочинить и къ печатанію подать въ Академію наукъ»⁷.

15 апреля 1740 года в Російское собраніе «для подлиннаго свидѣтельства» был послан перевод «нѣмецкой Линеисовой и Еркеровой о горныхъ дѣлахъ книги»⁸, выполненный С. С. Волчковым.

В начале 1740-х годов, однако, регулярные заседания членов Російского собранія прекратились. 22 сентября 1743 года А. К. Нартов писал в Сенат, что Російское собраніе не существует более и что члены его несколько лет назад получили другое назначеніе:

«<...> находившееся прежде сего и отъ бывшаго Академіи наукъ президента барона фонъ-Корфа въ 1734 году учиненное російское собраніе разрушилось, изъ котораго адъюнктъ Адодуровъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1741 года взять правительствующаго сената въ герольдмейстерскую контору ассессоромъ; секретарь Волчковъ <...> вступилъ секретаремъ въ канцелярію въ томъ же году; адъюнктъ Иванъ Таубертъ <...> учиненъ въ началѣ 1741 г. унтеръ-библіотекаремъ, у котораго тамъ весь медальной кабинетъ, также кунсткамера и библіотека»⁹.

⁶ Там же. С. 639.

⁷ Там же. С. 640.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 641.

Российское собрание просуществовало недолго. Как писал митрополит Евгений (Болховитинов),

«немногое число способныхъ сочленовъ, недостатокъ образцовъ классическихъ, неостепененіе самой словесности и языка нашего и неготовность еще тогдашнихъ читателей помогать писателямъ разборчивостію своею, сдѣлали общество сіе безуспѣшнымъ. Оно существовало три года, и мѣсто его послѣ заступилъ переводческой департаментъ при академіи, но и тотъ скоро разстроился, а возобновленъ уже по указу Императрицы Екатерины II въ 1790 году»¹⁰.

Тем не менее для истории русского литературного языка заседания Российского собрания оказались очень важны: в процессе редактирования переводов русскими филологами усваивались европейские принципы организации литературного текста. Обсуждение текстов на немецком, французском и других языках позволило составить представление о том, как строилась в этих языках литературная норма и в каком отношении она находилась к грамматической традиции и разговорному употреблению. Переводческие опыты были плодотворны для составления грамматик немецкого, французского, латинского языков, а также для подготовки первых пособий по русской грамматике, которые строились по большей части по образцу европейских лингвистических трактатов.

После прекращения деятельности Российского собрания его функции взяли на себя переводческий департамент при Академии наук и Историческое собрание, созданное в 1748 году для обсуждения исторических трудов, литературных произведений и переводов. Членами Исторического собрания стали Г. Ф. Миллер, Ф. Штрубе де Пирмонт, В. К. Тредиаковский, М. В. Ломоносов, Х. Крузиус, И. Э. Фишер, И. А. Браун. Историческое собрание уделяло большое внимание учебным делам и контролировало работу Академической гимназии и Академического университета, где в это время также шла напряженная

¹⁰ Цит. по: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. Т. 1. СПб., 1874. С. 6.

работа по регламентации и выработке норм русского литературного языка.

Академическая гимназия и Академический университет были созданы согласно проекту Положения об Академии наук Петра I. В 1725 году Президентом Академии наук Л. Л. Блюментростом была изложена программа обучения в Академической гимназии. Предполагалось, прежде всего, обучать гимназистов иностранным языкам: латыни (латинское отделение было в гимназии основным — в нем готовили к учебе в университете), вторым языком был немецкий, также дополнительно изучались греческий, французский и итальянский. В последних классах вводились общеобразовательные предметы: «история и первые математики начатки, также география, с глобусом соединенная»¹¹. Академический университет долгое время программы не имел — преподавателями проводились открытые лекции и беседы на различные темы, на которых могли присутствовать все желающие.

Так как важное место в обучении студентов и гимназистов отводилось изучению древних и новых языков, академическими переводчиками и преподавателями в 1730–1740-е годы были созданы учебные пособия по немецкому, французскому, латыни, представляющие собой переложения на русский язык известных европейских трактатов.

В 1730 году вышла написанная М. Шванвицем (Martin Schwanwitz, †1740)¹² **«Немецкая грамматика, из разных авторов собрана и российской юности в пользу издана от учителя немецкого языка при Санктпетербургской гимназии»** (413 с., 4°). Грамматика М. Шванвица в течение XVIII века выдержала пять переизданий (1730; 1734; 1745; 1769; 1791), причем в подготовке второго переработанного издания грамматики М. Шванвица 1734 года (385 с., 8°) принял участие В. Е. Адодуров, а третье издание 1745 года (447 с., 8°), еще раз переработанное, вышло под редакцией Я. Я. Штелина.

¹¹ Карпеев Э. П. Академическая гимназия // Три века Санкт-Петербурга. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб.; М., 2003. С. 22–23.

¹² О преподавательской деятельности М. Шванвица в Академической гимназии см.: Koch K. Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18 Jahrhunderts. Berlin, 2002. P. 178–187.

В 1746 году типография Академии наук опубликовала **«Сокращение грамматики латинской, в пользу учащегося латинскому языку российского юношества переведено чрез Василья Лебедева, переводчика при Академии наук»** (335 с., 8°), представляющей собой перевод книги «Compendium grammaticae latinae, oder kurtzer Auszug aus der grösseren latenischen Grammatica Marchica, zur Erlernung der latenischen Sprache» (Marburg, Krieger, 1742). Латинская грамматика В. И. Лебедева выдержала в XVIII веке семь переизданий (1746; 1762¹³; 1769; 1779; 1789; 1791; 1792), причем третье, четвертое и пятое переиздания сопровождалось «Прибавлениями из грамматики, называемой Marchica» (с. I–XVI). М. В. Ломоносов оставил положительный отзыв о латинской грамматике В. И. Лебедева. В проекте «Регламента московских гимназий» (1755) Ломоносов рекомендовал «Сокращение грамматики латинской» для учащихся «латинского класса»:

«В латинском первом классе употреблять “Латинскую грамматику” с российским переводом, при Академии наук печатанную (которую для московских гимназий с надлежащим исправлением вторым тиснением издать можно). <...> Во втором латинском классе по той же «Грамматике» учить неправильные склонения и спряжения, показывать все труднейшие правила синтаксические»¹⁴.

В проекте «Регламента Академической гимназии» (1758) М. В. Ломоносов также рекомендовал «Латинскую грамматику» в качестве учебного пособия в «низшем латинском классе»¹⁵.

В 1752 году вышла **«Новая французская грамматика, сочиненная вопросами и ответами. Собрана из сочинений господина Ресто и других грамматик, а на российский язык переведена Академии наук переводчиком Василием Тепловым»**

¹³ Издания 1762, 1769, 1779, 1789, 1791 и 1792 годов выходили под заглавием «Краткая грамматика латинская, в пользу учащагося латинскому языку российского юношества, прежде сего переведенная и исправленная Академии наук переводчиком Васильем Лебедевым».

¹⁴ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9: Служебные документы. 1742–1765 гг. М.; Л., 1955. С. 458–459.

¹⁵ Там же. С. 493.

(452 с., 8°). В основу «Новой французской грамматики» В. Е. Теплова (род. 1732) лег трактат французского лингвиста Пьера Ресто (Restaut) (1696–1794) «Principes généraux et raisonnés de la grammaire françoise avec des observations sur l'Orthographe, les Accents, la Ponctuation, & la Prononciation» (Paris, 1730). Готовая еще к 1750 году, «Новая французская грамматика» была передана на рассмотрение В. К. Тредиаковскому, А. П. Сумарокову и М. В. Ломоносову, которые оставили о ней положительные отзывы. В. К. Тредиаковский писал, что перевод «чист и вразумителен», и выражал надежду, что «грамматика сия великую пользу учинить учащемуся нашему юношеству, ежели напечатана будет, чего она и достойна»¹⁶. После этого студент Теплов был определен переводчиком в Академию с жалованием 250 руб. в год. «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова имела два «прибавления»: «Разные французския пословицы» (с. 331–381) и «Собрание слов французских и российских» (с. 382–454), — в дальнейших переизданиях второе прибавление печаталось в составе «Новой французской грамматики» с отдельной пагинацией, а также выходило отдельным изданием. «Новая французская грамматика» В. Е. Теплова в течение XVIII века переиздавалась четыре раза (1752; 1762¹⁷; 1777; 1787).

В созданных в 1730–1750–е годы учебных пособиях по немецкому, латыни, французскому осуществлялось осмысление грамматического строя европейских и древних языков; для описания грамматических категорий вырабатывалась лингвистическая терминология, которая после заимствовалась русскими филологами для описания грамматики родного языка. Граматики иностранных языков либо были написаны полностью по-русски (как грамматики В. Е. Теплова и В. И. Лебедева), либо имели параллельные тексты на русском и иностранном языке (как «Немецкая грамматика» М. Шванвица). Для удобства обучающихся русских студентов парадигмам именного и глагольного словоизменения иностранного языка всегда давались

¹⁶ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. С. 345.

¹⁷ Издания 1762, 1777, 1787 годов выходили под заглавием «Французская грамматика собранная из разных авторов г. Ресто, а на российский язык переведенная Васильем Тепловым».

русские параллельные формы. Таким образом, несмотря на то, что авторы грамматик иностранных языков не предполагали специального описания русского языкового материала, поиск русского эквивалента для латинских, немецких, французских форм в каждом конкретном случае приводил к кодификации выбранного автором грамматики русского варианта¹⁸. Именно поэтому грамматики иностранных языков могут также рассматриваться как источники по русскому литературному языку интересующего нас периода.

В это же время — во второй половине 1730-х годов — одновременно с созданием руководств по изучению иностранных языков начинается обучение русскому языку. По-видимому, первые учебные пособия по русскому языку создавались для иностранцев. Написаны эти учебники были по большей части также иностранцами, сознательно отталкивавшимися от норм церковнославянского языка и фиксировавшими в основном факты русского языка, который понимался или как разговорный, или как новый литературный язык.

Граматики русского языка первой половины XVIII века до недавнего времени мало привлекали к себе внимание исследователей. Широкому кругу филологов была известна лишь написанная по-латыни «**Grammatica russica que continet non tantum praecipua fundamenta Russicae Linguae, verum etiam Manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam**» (Oxford, 1696)¹⁹ Г. Лудольфа (Henrik Wilhelm Ludolf, 1655–1712).

¹⁸ Бабаева Е. Э., Запольская Н. Н. Языковой континуум Петровской эпохи: обзор грамматических трактатов первой четверти XVIII в. // Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти проф. Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 195.

¹⁹ «Grammatica russica» Лудольфа долгое время считалась первой грамматикой русского языка. Однако Б. А. Успенский в своей статье (Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3: Общее и славянское языкознание. М., 1997. С. 437–573) указывает, что первой грамматикой русского языка следует считать краткое описание русского языка на английском языке, служащее введением к словарю Марка Ридлея («A Dictionary of the vulgar Russian tongue»), составленному им в 1594–1599 годах. Еще один фрагмент русской грамматики находится в материалах по русскому языку, записанных Тённисом Фенне в Пскове в 1607 году (Tönnies Fenne's Low German manual of spoken Russian. Pskov 1607 / Ed. by Hammerich L. L., Jakobson R. Vol. I–II. Copenhagen, 1961–1970).

В 1937 году «Grammatica russica» была подготовлена к изданию Б. А. Лариным, в 1959 году была переиздана Б. О. Унбегауном²⁰, а несколько лет назад была еще раз переиздана в составе книги Б. А. Ларина «Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков» (СПб., 2002). Г. Лудольф был послан из Англии с торгово-политической миссией в Россию, где написал грамматику русского языка для тех, «кому необходимо отправиться в Московию по политическим или своим частным делам» («illi, quibus Moscovia sive ob publica sive ob privata negotia adeunda est»)²¹. Сама грамматика и прилагающиеся к ней диалоги составлены на простом, обиходном языке — именно этот язык, по мысли Лудольфа, должен был заменить собой старославянский²². «Grammatica russica» была издана после возвращения Лудольфа в Англию, однако оказалась известна следующему поколению русских филологов. Неоднократные ссылки на грамматику Лудольфа имеются в тексте грамматики И.-В. Пауса; по мнению В. М. Живова, «Grammatica russica» Лудольфа была также известна В. Е. Адодурову²³.

«**Grammatik der russischen Sprache**» И.-Э. Глюка (Johann Ernst Glück, 1652–1705), написанная на латыни спустя десять лет после выхода в свет грамматики В. Лудольфа, долгое время оставалась забытой²⁴. Рукопись этой грамматики была лишь в 1980–е годы обнаружена В. М. Живовым в московском Историческом музее. «Grammatik der russischen Sprache» была создана И.-Э. Глюком в Москве в 1703–1705 годах и предназначалась для приезжающих в Россию иностранцев, а также

²⁰ Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica. Oxonii A.D. MDCXCVI / Ed. by B. O. Unbegaun. München; Oxford, 1959.

²¹ Ларин Б. А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб., 2002. С. 545, 602.

²² Лудольф надеется, что пример его грамматики, возможно, убедит русских людей печатать книги на родном наречии: «Forsan hoc specimen Russos persuadebit, posse et in vulgari dialecto aliquid imprimi, sicuti Nationi Russicae decori et utilitati foret, si more aliarum gentium propriam linguam excolere atque bonos libros in ea edere conarentur» (Там же. С. 546).

²³ Живов В. М. Указ. соч. С. 205.

²⁴ В настоящее время грамматика Глюка переиздана: Glück J. E. Grammatik der russischen Sprache. 1704 / Hrsg. und mit einer Einleitung versehen von H. Keipert, B. Uspenskij und V. Zivov. Köln; Weimar; Wien, 1994.

для преподавателей школы Глюка в московской Немецкой слободе. Так же, как и Г. Лудольф, Глюк фиксировал в грамматике факты обиходного русского языка. Однако он хотел создать научную грамматику, а не просто учебник, помогающий овладеть разговорными навыками. Глюк знал церковнославянский, еврейский, греческий и латинский²⁵ и, описывая русский язык, черпал грамматический материал из латинских грамматик и грамматики М. Смотрицкого, отказываясь от специфически книжных средств и последовательно заменяя их нейтральными. Грамматика И.-Э. Глюка была предназначена для людей, уже знакомых с классическими языками, т. е. для людей, которые при обучении русскому языку могли бы соотнести русскую грамматику с латинской. Сочинение И.-Э. Глюка оказало определенное влияние на последующую традицию грамматического описания русского языка. Ученик Глюка И.-В. Паус, пользуясь работой своего учителя (сохранился фрагмент грамматики Глюка, переписанный рукой Пауса: БАН, отдел рукописей, шифр Q 121, л. 90–122), несколько десятилетий спустя создал собственную грамматику славяно-русского языка, от которой, в свою очередь, при разработке лингвистических концепций отталкивались В. Е. Адогуров и М. Шванвиц.

И.-В. Паус (Паузе) (Johann Werner Paus, 1670–1735), поэт и переводчик при Академии наук, трудился над созданием **«Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen, sonderlich der teutschen Nation aufgezetzet»** почти двадцать лет. Однако этот фундаментальный труд — так же, как и другие филологические труды Пауса (русско-немецкий словарь, собрание русских пословиц и поговорок)²⁶, — издан не был. 10 декабря 1729 года Паус представил рукопись в Академию наук (где она хранится и по сей день: БАН, отдел рукописей, шифр Q 192), однако просьба о напечатании грамматики была отклонена. По-видимому, это было связано с тем, что

²⁵ *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18 Jahrhundert. Berlin, 1953. S. 245; *Топоров В. Н.* Эрнст Глюк, немецкий подвижник латышского и русского просвещения // Балто-славянские исследования, 1984. М., 1986. С. 250–253.

²⁶ *Винтер Э. И. В.* Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732) // XVIII век: Сб. 4. М.; Л., 1959. С. 313–322.

И.-В. Паус попытался создать синтетическое описание русского и церковнославянского языков. В 1720-х годах подобное соединение было сочтено вызовом господствующей идеологии, так как задача по размежеванию русского и церковнославянского рассматривалась академическими филологами как основная²⁷. Однако, несмотря на то, что труд И.-В. Пауса издан не был, его грамматика была хорошо известна академическим филологам. В. Е. Адодуров и М. Шванвиц, сами работавшие в этот период над созданием грамматик, рецензировали текст «Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» и, отвергая лингвистическую концепцию И.-В. Пауса, заимствовали для своих собственных грамматических сочинений собранный им языковой материал. В 1960-е годы попытка опубликовать грамматику И.-В. Пауса была предпринята Д. Е. Михальчи, однако издание не состоялось: появились лишь ряд статей²⁸ и докторская диссертация Д. Е. Михальчи «Славяно-русская грамматика Иоганна-Вернера Паузе» (1969). В настоящее время вышла в свет книга А. Хутерер «Die Wortbildungslehre in der 'Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache' (1705–1729) von Johann Werner Paus» (Мюнхен, 2001); также труды И.-В. Пауса готовятся к изданию в Бонне²⁹.

И.-В. Паус не был единственным, кто в 1730-е годы работал над созданием грамматики русского языка для иностранных читателей. В отделе рукописей БАН (шифр F 250) находится еще одна написанная по-немецки грамматика «**Compendium Grammaticae Russicae oder Kurtze Einleitung zu der Russischen Sprache Denen Ausländern zum Besten ausgegeben**», над которой работала целая группа сотрудников Академии наук.

²⁷ Живов В. М., Кайперт Г. О месте грамматики И.-В. Пауса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // Вопросы языкознания. М., 1996. № 6. С. 4.

²⁸ Михальчи Д. Е. Из рукописей И. В. Паузе // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 112–120; Михальчи Д. Е. И. В. Паузе и его славяно-русская грамматика // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. М., 1964. Вып. 1. С. 49–57.

²⁹ Comtet R. Рецензия на издание: Huterer A. Die Wortbildungslehre in der 'Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache' (1705–1729) von Johann Werner Paus (Slavistische Beiträge 408). München, 2001 // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 2005. №2. P. 280.

В 2002 году рукопись грамматики была расшифрована и издана Г. Кайпертом³⁰, предварившим публикацию текста монографией, в которой «Compendium Grammaticae Russicae» получил полное и систематическое описание. Г. Кайперт идентифицировал почерки филологов, работавших над созданием грамматики. В результате было выяснено, что основным автором грамматики был М. Шванвиц, В. Е. Адодуров выступал в качестве научного консультанта, почерки же начальствующих указаний отождествляются как принадлежащие И.-Г. Гмелину и И. Д. Шумахеру. Сам текст обнаруживает несомненную зависимость от «Enweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache» И.-В. Пауса, что лишний раз доказывает, что, хотя грамматика последнего и не была напечатана, она была хорошо известна академическим филологам. К сожалению, хранящаяся в БАН рукопись «Compendium Grammaticae Russicae» обрывается на 64-й странице. Она содержит полное описание орфографии и неполное описание «этимологии» (разделы «Об этимологии вообще», «Об имени, местоимении и причастии», «Об имени» и «О склонениях»). Вторая часть рукописи до настоящего времени не найдена.

В монографии, предваряющей издание «Compendium Grammaticae Russicae», Г. Кайперт указывает, что публикуемый им текст послужил основой для написанного по-немецки грамматического очерка В. Е. Адодурова (1709–1780) «**Anfangs-Gründe der Russischen Sprache**», опубликованного в 1731 году в качестве приложения к Вейсманову лексикону³¹. В 1969 году очерк В. Е. Адодурова был переиздан Б. О. Унбегауном в составе книги «Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts» (München, 1969). А спустя три года Б. А. Успенским в БАН была найдена рукопись на русском языке (БАН, отдел рукописей,

³⁰ Compendium Grammaticae Russicae (1731). Die erste Akademie-Grammatik der Russischen Sprache / Hrsg. von H. Keipert in Verbindung mit A. Huterer. München, 2002.

³¹ Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, samt denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen bey der Kayserl. Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. Нѣмецко-лагинскій и русскій Леѣиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при Императорской Академіи наукъ печатію изданъ. St. Petersburg, 1731.

шифр 16.7.3), датированная 1738 годом, — грамматическое сочинение, представляющее собой пространный вариант «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова и использовавшееся как учебное пособие в Академической гимназии³². К сожалению, найденная Б. А. Успенским рукопись сохранилась не полностью и включает в себя только первую часть грамматики, посвященную вопросам фонетики и орфографии. Русский текст рукописи дословно совпадает с текстом шведской грамматики М. Гренинга (Michael Groening, 1714–1778)³³ «**Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket**» (1750)³⁴, являющейся, таким образом, не оригинальным сочинением М. Гренинга, а переводом пространной грамматики В. Е. Адодурова на шведский язык³⁵. Найденная Б. А. Успенским рукопись, очевидно, представляет собой первую грамматику русского языка, написанную по-русски более чем за пятнадцать лет до появления грамматики М. В. Ломоносова. Русская грамматика В. Е. Адодурова не осталась незамеченной современниками — ее, в частности, использовал В. К. Тредиаковский в своем «Разговоре об орфографии» (1748)³⁶. Однако русская грамматика В. Е. Адодурова, по-видимому, была неизвестна М. В. Ломоносову: ни в «Российской грамматике», ни в черновых записях М. В. Ломоносов не упоминает сочинение своего предшественника.

³² Успенский Б. А. Первая грамматика русского языка на родном языке (Неизвестная русская грамматика 30-х годов XVIII в.) // Вопросы языкознания. М., 1972. № 6. С. 85–100.

³³ При Академии наук М. Гренинг числился с 1740 года «толмачом», затем с 1743 года — «переводчиком». В это же время он начал преподавать в Академической гимназии — сначала немецкий, а потом (с 1745 года) и французский языки (Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1887. С. 532; Т. 5. СПб., 1889. С. 13; Т. 6. СПб., 1890. С. 515; 570–571).

³⁴ Россійская грамматика. Thet är Grammatica Russica, Eller Grundelig Handledning Til Ryska Språket... // Utgifwen af Michael Groening. Stockholm, 1750. Репринтное издание: *Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhundertts*. München, 1969.

³⁵ Найденная рукопись опубликована в книге: Успенский Б. А. Первая русская грамматика на родном языке. Доломоносовский период отечественной русистики. М., 1975.

³⁶ Успенский Б. А. Доломоносовский период отечественной русистики: Адодуров и Тредиаковский // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 3. М., 1997. С. 601–628.

Таким образом, в 1730–е годы небольшая группа академических переводчиков — И.-В. Паус, М. Шванвиц, В. Е. Адодуров, В. К. Тредиаковский³⁷, И. С. Горлицкий и др. — активно работала над созданием грамматик русского языка для обучения иностранных и русских студентов. Одновременно ими же создавались грамматики немецкого, латинского, французского языков. Любое лингвистическое сочинение вызывало живейший интерес в узком кругу филологов, занимавшихся преподаванием, переводами, разработкой правил академической типографии, — поэтому примеры, схемы расположения материала, грамматические термины, определения используемых грамматических категорий заимствовались из одной грамматики в другую, подвергаясь лишь незначительным изменениям. Таким образом, все лингвистические опыты Академии наук первой половины XVIII века были взаимосвязаны. Некоторые исследователи (Л. Дюрович, В. М. Живов, Г. Кайперт и др.) считают поэтому целесообразным говорить о «грамматике Академической гимназии» как о совокупности текстов, представляющих единую традицию³⁸.

Однако следует отметить, что в указанный период создавались не только претендующие на нормативность научные грамматики. Также существовала потребность в справочниках, где

³⁷ Материалы, относящиеся к грамматическим штудиям В. К. Тредиаковского, до сих пор не найдены. Однако в 1733 году, обращаясь в Академию наук с просьбой принять его на службу, В. К. Тредиаковский выражал готовность заботиться «обо всем, что до изъяснения русской грамматики <...> способно относиться» («quidquid ad explanandas regulas grammaticae, nempe rossicae <...> spectare valeat» — Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 2. С. 380). Кроме того, известно, что он обучал русскому языку Президента Академии наук Г. К. фон Кайзерлинга и принца Антона-Ульриха. Возможно, материалы, относящиеся к грамматике В. К. Тредиаковского или же связанные с его педагогической деятельностью, погибли во время одного из пожаров, в 1736 или в 1747 году.

³⁸ Сходство грамматик русского языка, созданных в 1730–1750-е годы в Академии наук, натолкнуло Л. Дюровича на поиск общего их источника. Таковым, по его мнению, являются анонимные грамматические таблицы, датированные 1706–1707 годами, находящиеся в фонде Extranea Государственного архива в Стокгольме (картон № 157:6, № 38). Таблицы эти напечатаны шрифтом Э. Копиевича и содержат много замечательных инноваций, усвоенных последующей грамматической традицией. По предположению Л. Дюровича, вместе с Э. Копиевичем эти таблицы попали в Москву и стали основой последующих академических грамматик русского языка (*Дюрович Л. Древнейший источник парадигматики современного русского литературного языка // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1987. №2. P. 255–279*).

кратко изложенные грамматические правила были бы дополнены примерами диалогов и небольшими «лексиконами». В 1706 году в Столценберге вблизи Данцига было напечатано **«Руководение въ грамматику во славяноросійскую или Московскою. Ко употреблению учащихса азыка Московскаго. Manuductio in grammaticam in Slavonico Rosseanam seu Moskoviticam. In usum discentium linguam Moscoviticam»**³⁹ Э. Копиевича (Elias Kopijewitz или Kopiewski, ок. 1651–1714), издавшего несколькими годами ранее грамматику латинского языка для русских читателей⁴⁰, а также несколько тематических словарей-«номенклаторов»⁴¹. Грамматика «московского языка» Э. Копиевича невелика и представляет собой парадигмы русского склонения и спряжения, снабженные латинскими аналогами. К ней присовокуплены восемь диалогов, сопровождаемые параллельными текстами на латыни и немецком. Грамматика Э. Копиевича рассчитана на быстрое обучение иностранцев русскому; автор ее не вдается ни в лексические, ни в грамматические тонкости русского языка. Церковнославянские формы соседствуют с русскими, а грамматическая схема представляет собой переработку схемы М. Смотрицкого.

В 1730 году в Петербурге было издано еще одно практическое пособие, рассчитанное на быстрое (по утверждению автора — за восемь дней) обучение русскому языку, — анонимная **«Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce. Грамматика французская и русская нынешняго языка сообщена съ малымъ Леѣикономъ ради удобства сообщества»**⁴². Русские грамматические правила изложены в этой грамматике по-французски, а русским парадигмам

³⁹ Репринтное издание: *Unbegaun B. O. Drei russische Grammatiken des 18 Jahrhunderts.* München, 1969.

⁴⁰ *Latina Grammatica in usum scholarum celeberrimae gentis Slavonico-Russicae adornata.* Amslelodami (sic!), 1700 (указано в: *Unbegaun B. O. Russian grammars before Lomonosov // Oxford Slavonic Papers.* Vol. XVIII. Oxford, 1958. P. 106).

⁴¹ «Номенклатор на латинском, русском и немецком языке» и «Номенклатор на латинском, русском и голландском языке», опубликованные в 1700 году в Амстердаме (*Власов С. В., Московкин Л. В.* Илья Федорович Копиевский и его лексикографические труды // *Литературная культура России XVIII века.* Вып. 3. СПб., 2009. С. 36–42).

⁴² Известны два экземпляра «Grammaire Française et Russe en Langue moderne accompagnée d'un petit Dictionnaire pour la Facilité du Commerce» (СПб., 1730): один хранится в Санкт-Петербурге в отделе редкой книги БАН (шифр

именного и глагольного словоизменения даны французские аналоги. Много спорных вопросов связано с определением авторства «Grammaire Française et Russe». В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800» указано, что автором является Ш. А. Декомбль († 1735), а переводчиком — И. С. Горлицкий (1690–1777)⁴³. В. П. Вомперский в статье «Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г.»⁴⁴ указывает, что Горлицкий был автором грамматики. Однако в последующих исследованиях подвергается сомнению и это предположение⁴⁵.

Как кажется, практические пособия по русскому языку, рассчитанные на быстрое обучение иностранцев навыкам разговорной речи, мало повлияли на становление академической грамматической традиции. Это неудивительно: перед создателями практических пособий и авторами научных грамматик стояли разные задачи, они ориентировали свои сочинения разному кругу читателей. Вероятно, не повлияли на становление академической традиции и грамматики русского языка, написанные за границей и до недавнего времени доступные узкому кругу читателей лишь в рукописях: «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» (1724) Ж. Соье⁴⁶, «Грамматика русского и немецкого языков» (1725) И. Афанасьева и «Rudimenta linguae Russicae» К. Шталя (1745).

«**Grammaire et Méthode Russes et Françaises**» — это объемный труд (около 900 страниц), написанный по-французски

1730/2), другой — в Галле (Universitäts und Landesbibliothek Sachsen-Anhalt, Halle an Saale).

⁴³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 3. М., 1966. С. 486.

⁴⁴ Вомперский В. П. Неизвестная грамматика русского языка И. С. Горлицкого 1730 г. // Вопросы языкознания. М., 1969. № 3. С. 125–131.

⁴⁵ Власов С. В., Московкин Л. В. «Учебник русского языка для французов “Грамматика французская и русская” (1730)» // Литературная культура XVIII века. СПб., 2007. С. 40–56.

⁴⁶ В настоящее время грамматика Ж. Соье издана: *Sohier J. Grammaire et Méthode Russes et Françoises. 1724 / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987. См. также: Freydank F. Рецензия на издание: Sohier J. Grammaire et Méthode Russes et Françoises. 1724 / Факсимильное изд. под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. Vol. I–II. München, 1987 // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1990. №3. P. 339.*

Ж. Со́йе (Jean Sohier или Soyer), переводчиком церковнославянского, русского и польского языков в Королевской библиотеке в Париже. По-видимому, грамматика была написана им как квалификационная работа, необходимая для повышения по службе⁴⁷. Известны две рукописные копии этой грамматики: одна хранится в отделе манускриптов Парижской Национальной библиотеки (Slave 5), другая — в библиотеке Арсенала (Arsenal 8801). «Grammaire et Méthode Russes et Françaises» никогда не была напечатана, и можно предположить, что она осталась неизвестной русским филологам⁴⁸.

Другая грамматика русского языка, созданная за пределами России, — «**Грамматика русаго і немецкаго языков**» — была написана в Лондоне в 1725 году И. Афанасьевым, секретарем русского посольства. Рукопись «Грамматики русаго і немецкаго языков» хранится в Гоутоновской библиотеке Гарвардского университета (шифр Kilgour, MS Russ 5), издана она никогда не была. Единственным источником сведений об этой грамматике является статья Б. А. Успенского «Неизвестная грамматика петровской эпохи»⁴⁹. Об авторе же ее известно, что после прекращения дипломатических отношений России с Англией в 1720 году И. Афанасьев остался в Лондоне, там пришел в «крайнюю мизерию» и, вероятно, для собственных нужд написал грамматику русского языка. И. Афанасьеву так и не удалось вернуться в Россию — ходатайство А. Д. Кантемира перед гр. А. И. Остерманом об уплате его долгов и возвращении на родину успеха не имело.

Наконец, третья написанная за рубежом грамматика — «**Rudimenta linguae Russicae**» (1745) И. К. Шталя (Joachim Christoph Stahl) — невелика по объему (32 с., 4^о) и представляет

⁴⁷ Успенский Б. А. Одна из первых грамматик русского языка (Грамматика Жана Со́йе 1724 г.) // Вопросы языкознания. М., 1998. № 1. С. 94–109.

⁴⁸ Известно, однако, что в то время, когда Ж. Со́йе собирал материалы для своей грамматики (1721–1722), в Париже находились три русских студента — И. С. Горлицкий, Т. П. Постников и И. И. Каргопольский (См.: Успенский Б. А. Доломоновские грамматики русского языка (Итоги и перспективы). С. 471–472).

⁴⁹ Успенский Б. А. Неизвестная грамматика петровской эпохи (грамматика Ивана Афанасьева 1725 г.) // Russian Linguistics. Springer Netherlands, 1989. № 13. P. 221–244.

собой переработку «Anfangs-Gründe der Russischen Sprache» В. Е. Адодурова⁵⁰. Рукопись этой грамматики хранится в архиве фонда Франке Главной библиотеки г. Галле (Hauptbibliothek, Archiv der Frankeschen Stiftungen, шифр J 23).

Таким образом, в первой половине XVIII века в России и за ее пределами был создан ряд грамматических пособий по русскому языку, образующих в своей совокупности определенную традицию. По большей части эти грамматики были созданы академическими филологами и переводчиками для приезжающих в Россию иностранцев, а также для учеников и студентов Академической гимназии и Академического университета. Несмотря на то что создавались эти грамматики с практической целью, многие из них не были лишены нормализаторской установки — стремления упорядочить и кодифицировать узус письменного русского языка в соответствии с правильным «европейским» литературным употреблением. Ориентация грамматистов той эпохи на европейские образцы выразилась в употреблении латинской терминологии и в использовании европейских грамматических моделей для описания русского языка. В сознании филологов той эпохи знание русского языка непосредственно связывалось со степенью владения иностранными языками. Так, В. Е. Адодуров характеризовал свое лингвистическое образование следующим образом:

«<...> я при Академіи наукъ учился языкамъ латинскому, нѣмецкому и французскому и при томъ имѣл случай собственные мои недостатки в правильномъ употребленіи природнаго нашего языка нѣсколько усмотрѣть и оныя в себѣ, по возможности, исправить»⁵¹.

Исправление русского языка при помощи знаний, полученных при изучении европейских языков, означало, очевидно, перенесение на русский язык принципов грамматической кодификации, принятых в европейской филологии.

⁵⁰ *Durovič L. Rudimenta linguae russicae* by J. Chr. Stahl // *Russian Linguistics*. Springer Netherlands, 1994. №18. P. 185–195.

⁵¹ *Пекарский П. П.* Указ. соч. С. 511.

Как мы отметили выше, переводы европейских естественнонаучных трудов, художественных произведений и филологических сочинений, французские и немецкие лингвистические теории активно обсуждались на заседаниях Российского собрания. Поэтому принятые в европейской традиции термины и определения грамматических категорий заимствовались филологами, работавшими над созданием грамматик русского языка. Кроме того, все лингвистические опыты первой половины XVIII века были взаимосвязаны. Они сыграли важную роль в процессе нормализации русского языка и сформировали ту традицию, в рамках которой в 1755 году появилась «Российская грамматика» М. В. Ломоносова — фундаментальное сочинение, знаменовавшее собой завершающий этап полувековых поисков нормы русского литературного языка.